

Лепехин В.М.

Крестовая гора

ИСТОРИЯ НЕСЛУЧАЙНЫХ СОБЫТИЙ

Владимир Лепехин

**Крестовая гора. История
неслучайных событий**

«Издательство «Перо»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Р208/4ос=Рус)6-44

Лепехин В. М.

Крестовая гора. История неслучайных событий / В. М. Лепехин —
«Издательство «Перо», 2026

ISBN 978-5-00270-664-8

Рассказ человека, который оглядывается в своё прошлое. Он вспоминает, где родился и жил, людей, с которыми встречался, события, в которых участвовал, и ещё Нечто – большое и важное, незримо присутствовавшее в его жизни всегда и накрывающее всё прошлое как куполом, то Главное, к которому, осознанно или нет, стремится каждый из нас, обретая при этом Свободу, Любовь и Гармонию.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Р208/4ос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00270-664-8

© Лепехин В. М., 2026

© «Издательство «Перо», 2026

Содержание

Граница	6
Бытие и небытие	12
Или – или?	16
По другую сторону Урала	20
Поближе к столице	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

В. Лепехин
Крестовая гора. История
неслучайных событий

Визуку Борису

© Лепехин В.М., 2026

Граница

*Нам приятно находиться на границе миров и, просиживая в одном,
заглядывать в соседний.
Дуглас Адамс*

Я родился на Южном Урале, зимой, на Сретение. Там же на Южном Урале в маленьком городе угольщиков я и вырос.

Город наш находился в замечательном месте – на пограничной полосе. Нет, не на государственной границе России, а на границе Уральских гор и Оренбургских степей, границе Европы и Азии, на узкой полосе черноземов и широколиственных лесов, отделяющей пространства хвойных лесов на северо-востоке от желтых степных пространств к югу. К тому же, город и я появились на свет практически одновременно и тоже на границе – на границе смены времён, перехода от военного лихолетья к мирному строительству, на переломе прошлого века. Даже главная ближайшая к городу река Белая здесь круто меняет направление своего течения с южного на северное, перетекая при этом из Азии в Европу

Вообще-то, Пограничная зона всегда заслуживала и заслуживает особого внимания. Это зона искажений, искривлений, изменений, это самая интересная и богатая территория.

При смене природного ландшафта меняется климат, меняется флора, меняется фауна. Граница земли и суши – самое благоприятное место на Земле, самое населенное. Берега рек, озер, морей и океанов – лучшие места для обитания всего живого, самые благодатные места.

На границе государств меняются народы, языки, нравы, социальное устройство, религия.

А граница времён?! Весна и осень – граница лета и зимы, две границы тепла и холода. Не это ли самые яркие и запоминающиеся времена года?

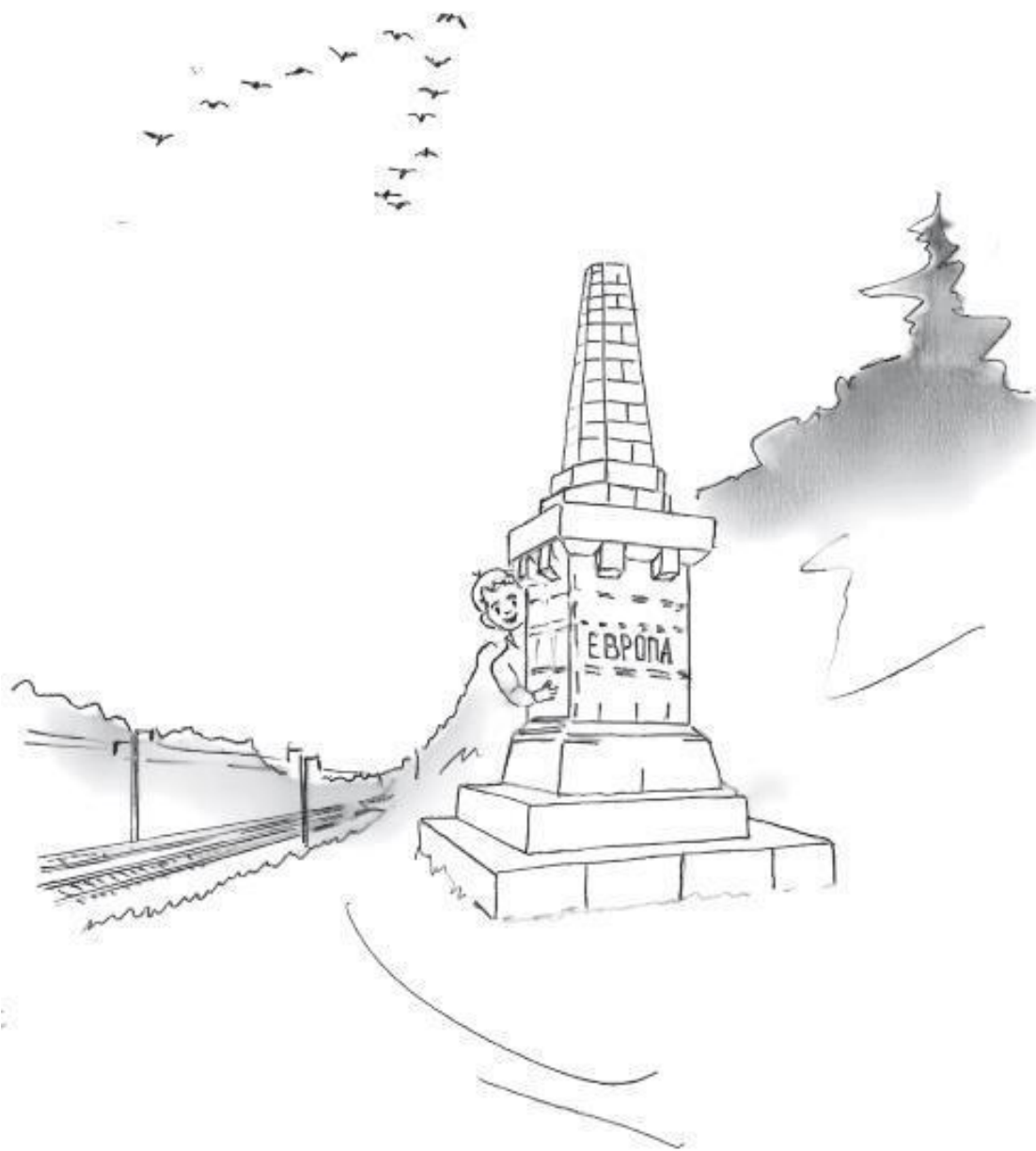
А рождение и смерть?..

Все события нашей Истории – это события изменения нравов и быта, границ обитания и существования народов.

Если нет изменений в существовании чего-то, если движение не ускоряется, не замедляется, не искривляется, то нет и событий, и время останавливается.

Вот так мне и повезло – родиться на границе!

Сама жизнь тогда для меня и моих сверстников проходила на границе человеческого благополучия и неблагополучия, на границе смещения жизни русских и башкир, на границе города и почти не тронутой (там и тогда) природы.

Наша семья, как и семьи соседей на нашей улице жили во вполне благоустроенных свежестроенных одноэтажных финских домиках с приусадебными участками, на каждом из которых, стояли огромные двухэтажные сараи с утепленным первым этажом. Зачем эти сараи были построены, я точно не знаю, быть может, они служили первоначальным жильем для строителей города. Приусадебные участки со временем заполнились плодовыми деревьями, кустарниками и массой цветов.

Во многих домах были телефоны, так как здесь жили специалисты, занимавшие те или иные ответственные должности на строящихся объектах молодого города. Чтобы позвонить, например, нашим соседям нужно было снять телефонную трубку и попросить оператора: «Девушка, по этой линии два звонка».

Помню, первые тротуары на улицах были дощатые. Напротив нашего дома был книжный магазин «КАГИЗ», далее, через несколько домов – городская столовая с буфетом на входе. За углом в конце другой улицы стоял, огромный, по моим тогдашним меркам, клуб. Перед клубом красовался фонтан, окаймленный цветными клумбами. Позднее клуб преобразовали в Дом пионеров, где разместили множество кружков для детей и летний городской пионерский лагерь.

Так вот... Наша улица – это была прямо благополучная «одноэтажная Америка», а чуть дальше, на другой улице, расположенной перпендикулярно нашей, стояли бараки с коридорной системой. В каждой барачной комнате, служившей и кухней, и спальней, и гостиной, обитала семья из нескольких человек. Вплотную к этим баракам размещался ряд «удобств на улице» («на тридцать восемь комнаток, – всего одна уборная...») и сарайчики, смастеренные из неведомого бросового разношерстного материала. Люди здесь жили разные...

Помню, что к городу примыкали: Первая Зона, Вторая Зона, Пятки и Нахаловка. Нахаловка – это, ясно, был район самовольного поселения, Пятки, по-видимому, район крайний по расположению. Значение же названий «Первая Зона» и «Вторая Зона» – районов сплошь барачной застройки – я понял значительно позже. А тогда мы с братом, пяти-шестилетние мальчишки при поездках с родителями в соседний город по железной дороге, с большим интересом старались разглядеть из окна вагона винтовки охранников, стоящих на вышках вокруг зон, огороженных в два ряда колючей проволокой. Мы знали от старших, что там, за рядами колючей проволоки находятся заключенные. Возможно, люди, заселявшие бараки в нашем городе были «родом» из этих зон.

На каждой улице городка шла своя жизнь. Но иногда местами она пересекалась. По воскресным дням почти все ходили в общественную типовую двухэтажную баню, с шайками, парной, березовыми вениками, просьбами соседа по лавке потереть мочалкой спину. А потом, после бани, дети и женщины пили холодную воду из бака, пользуясь общей металлической кружкой на цепочке, а мужчины толпились в буфете в очереди за пивом.

Дважды в год происходило смешение всех горожан в общих шеренгах праздничных демонстраций и единожды – во время «народных гуляний». Демонстрации проходили на 1-е Мая и 7-е ноября, а гуляния проводились летом в День шахтера на городском пруду с деревянной танцплощадкой на воде, дощатой эстрадой и рядами скамеек перед ней. Тут же вдоль берега стояли гипсовые девушки с веслами, дискбол и копьеметатель, чуть дальше размещались буфетные павильоны, качели и карусели...

* * *

Дети благополучных и барачных районов школьное и свободное от учебы время проводили вместе. «Улица» воспитывала нас и учила не ябедничать, не наушничать, не распускать сопли, делиться друг с другом куском хлеба («на, откуси немного»), а коллективные игры заставляли уважать силу, стойкость и смелость. Хотя проявлением смелости мы чаще считали либо драчливость и задиристость, либо обычное хулиганство.

Главные наши ребячьи места начинались за чертой города. Черты никакой, понятно, не было, а сразу за последними домами начиналась другая загородная территория и другая жизнь без домашних обязанностей и контроля взрослых. Тут не было ни симпатичных финских домиков, ни грязных барачков, ни «зон» – все были в одинаковых условиях. Никто в ребячьей компании никогда не делил себя и других ни по национальности, ни по достатку.

Здесь за насыпью железной дороги на гористо-холмистом пространстве начинался лес, а в лесу пруд – места нашего детского всегдашнего времяпрепровождения, и летом, и зимой.

А зимы были морозные и снежные. Зачастую отец еще темным утром, перед работой, выходил откапывать выход из дома и наполовину занесенные снегом окна. Прыгать с крыш двухэтажных сараев в свежие снежные сугробы – было здорово! Уходили в снег по горло! Катались в лесу на лыжах, а в городе (до того, как стали устраивать каток на стадионе) – по накапанным проезжим дорогам на коньках-снегурках, привязанных к валенкам особым способом, который я помню и сейчас. Катаясь на коньках, любили цепляться проволочными крючьями за проезжающие конские сани. Автомобилей тогда в городе было немного, но зато было два конных двора.

Вёсны были бурные. Когда тепло накатывало в полной мере, и снег начинал уходить с пригорков – на них сразу появлялась растительность. Все или почти все появившиеся ростки мы пробовали есть. Многие из них были съедобными и казались нам вкусными. Где-нибудь на оттаявшем и обсушенном солнцем пригорке мы находили подходящее место, разводили костер, пекли в углях картошку, а иногда зажаривали кусочки сала. Наевшись, напившись березового сока, мы лежа грелись на солнце и смотрели, как таит снег, капает вода, лезут из земли цветы первоцвета, жевали их белые стебли и наблюдали первых прилетевших птиц.

А лето!

Летние грозы с радугой и лопающимися пузырями на лужах. Тёплые ночи с ароматом фиалок и зелёно-голубыми светлячками после дождя.

Лес, полный всяких чудес! Быстрые ящерицы – зеленые, серые и их белые яйца. Муравейники высотой в ребячий рост. Коршун, пикирующий на дворовых цыплят. Серые куропатки. Порхающие бабочки. Стоящие столбиками у своих нор суслики.

Изобилие ягод, особенно лесной земляники, а также малины, вишни, черемухи, костяники. Необыкновенное разнообразие цветов от маленьких незабудок до мощной, неприступной колючей расторопши с махровыми фиолетовыми цветами.

Чистейшая вода в реке Белой:ходишь по грудь и видишь на дне каждый камешек, массу рыбьих мальков, тычащихся как пиявки в твое тело, а в заводях – белые водяные лилии и желтые кувшинки.

Встречалась и экзотика. Например, случайно откопанные мной под дубом грибы трюфели. Я совсем не знал, что это такое, накопал и принес штук пять, величиной чуть меньше

куриного яйца, домой спросить, что это такое. Наша соседка тетя Ксения, посмотрев на них, сразу уверенно сказала: «Да это же трюфели!». Откуда она могла знать, что эти грибы есть трюфели, мне неизвестно, в наших местах их никто никогда не собирал.

Последняя «грибная экзотика» – это встреченные здесь, на правом берегу Белой, на Пионер-горе, грибы дождевики невиданных размеров – огромные белые шары, вровень с присевшим рядом человеком. Это было лето 1973 года, когда я покидал эти места уже навсегда...

Осень была не золотая, а скорее многоцветная. Наше лесное Предуралье – это хорошо обозримые горы, покрытые широколиственным лесом. А осенью это яркий детский калейдоскоп с цветными стеклышками – пятна желтеющих берез и лип, красно-желтых кленов, медленно меняющих свой зеленый на бурый окрас дубов, всегда зеленых рядов искусственно посаженных сосен. Ольха, вяз, осина, рябина, ива дополняли всю картину своими оттенками. Переходишь с горки на горку – и новый калейдоскоп.

Таков был наш лес. Знаю, бывает и другой лес, с болотными топями, непроходимыми чащами, гнусом и змеями, мрачный и страшный. Но мы жили на границе леса и степи, гор и равнины, вблизи реки с чистой водой и с обилием рыбы и раков.

И пушкинская картина зимнего дня: «...прозрачный лес один чернеет, и ель сквозь иней зеленеет, и речка подо льдом блестит», – была для меня ясной и много раз видимой.

Так же, как и лермонтовская ночь: «...ночь темна, пустыня внемлет Богу и звезда с звездою говорит», – тоже была мне близка и знакома по летним рыбацким ночевкам, когда отойдешь от костра, ляжешь спиной на землю и глядишь в небо.

Здесь было всегда интересно!

Здесь была Воля!

Здесь ощущалась

Свобода.

Бытие и небытие

*Пробудись же, чтобы пощадил тебя Бог, везде пребывающий и
наполняющий все.*

Канон Андрея Критского

Время конца пятидесятих годов прошлого века было временем осязаемого материального улучшения быта в СССР и политических послаблений. Жизнь восстанавливалась после военной разрухи. Хрущев ещё не успел окончательно разорить сельских жителей и сельское хозяйство, страна строилась, появились товары, ожили колхозные рынки. Стал пропадать страх «от прежних времен».

После запуска первого спутника в космос в людях появилась уверенность, что жизнь в нашей стране скоро будет замечательная! Самой лучшей в мире! В общем, скоро будет Коммунизм! На 22 съезде партии состоялось принятие программного лозунга, утверждавшего, что советский народ к 1980 году будет жить при коммунизме. В нашей детской среде это понималось просто: все будет бесплатно! Да, это ещё подкреплялось тем, что в общественных столовых на столах на короткий срок появились тарелки с нарезанным хлебом, не входившим в стоимость обедов – ешь бесплатно!

Вроде бы как наступила и политическая оттепель, однако, не для всех. Конец пятидесятих и начало шестидесятих годов – это же и время новых яростных гонений на церковь.

Разрушались храмы. Замолкали храмовые звонницы. За участие в религиозных обрядах людей исключали из партии и комсомола и, как правило, из вузов и техникумов.

Помню, как моя бабушка пришла с новостью: – «Ой, горе-то какое, наша церква сгорела». «Наша церква» – это деревянная церковь в соседнем городе, где я родился, где меня крестили и куда бабушка возила нас с братом в дошкольном малолетстве причащаться.

Не знаю, случайные или закономерные последовали дальнейшие события после таких «пожаров», но вскоре благополучие стало заметно таять и на страну напала очередная беда – начался продовольственный кризис.

Я помню длинные очереди за хлебом в 1962–63 году. В руки продавали только по одной буханке, поэтому бабушки и матери (хлеб в наш магазин привозили в одиннадцать часов дня) брали в очередь нас детей. За мукой люди вставали в очередь с ночи. Вот тогда я впервые увидел на руках «очередников» номера, сделанные чернильным карандашом.

В отличие от наших мест в Москве, быть может, о продовольственном кризисе в этот период мало кто ведал, а вот в Новочеркасске, например, как я узнал намного позже, за стихийный протест в людей стреляли, погибли десятки человек – простых рабочих электровозостроительного завода.

Кто-то скажет, что оба эти события – воинствующий государственный атеизм и продовольственные беды страны – ну никак между собой не были связаны. А я не исключаю, что были связаны и самым непосредственным образом. Но эти соображения о такой связи пришли в мою голову, конечно, существенно позднее.

* * *

Возвращаюсь к сгоревшей церкви. Были ли мои родители людьми верующими в тот период грубой хрущевской борьбы с религией, когда Никита обещал «показать миру последнего попа в СССР», я не знаю. Но ничего плохого про религию я от них никогда не слышал. В церковь в период моего детства они не ходили и при нас с братом никогда не молились.

Зато помню, как наш сосед, Александр Захарович, бывший фронтовик, а в то время директор завода железобетонных конструкций, а значит и член КПСС, ежегодно утром пасхального дня выходил из дома во двор и при появлении моего отца, обращаясь к нему, громко вызывающе кричал: «Миша, а, Миша, Христос воскрес!»». И мой отец, тоже участник войны, тоже член партии и к тому же секретарь парторганизации ТЭЦ отвечал ему: «Воистину воскрес! Захарыч». И вслед за этим они смотрели друг на друга, на нас и радостно улыбались!

А вот моя бабушка, в Бога, конечно, верила и икона в её комнате на угловой полочке с лампадой стояла. Она родилась в самом начале прошлого века. Бабушка пережила Первую мировую войну, революцию, гражданскую войну, раскулачивание, Отечественную войну, преждевременно потеряла в этих катаклизмах родителей, младшего брата, сына, натерпелась и хлебнула горя, как и множество других таких же российских женщин.

Она любила вспоминать свое детство, а я слушать бабушкины рассказы о дореволюционной жизни её и её семьи – семьи лесничего Панкрата Глацунова, жившей «на кордоне» в Тамбовской губернии, где-то к северу от поселения Кузьмина Гать. Воспоминания её о той дореволюционной жизни, надо сказать, сильно отличались от знакомого по школе описания времен «рабства и угнетения народа». В рассказах бабушки было много доброго, радостного, но всегда с подробностями о ежедневном усердном труде: «Обычно по ягоды бегали только тогда, когда закрапает дождь, и мать разрешит оторваться от домашних работ».

Все события из этих воспоминаний уточнялись бабушкой эдакими временными вехами: то-то было на Красную горку, то-то на – Рождество, то-то – на Пасху, то-то – на Троицу и т. д. Все увязывалось с традиционными народными и религиозными христианскими праздниками, хотя очень набожной бабушку назвать было нельзя. Она ежедневно молилась – утром и вечером перед сном, крестилась перед едой и после еды, по праздникам старалась ездить в соседний город в церковь, пока церковь, как я уже говорил, не сгорела от хрущевской «борьбы с мракобесием». Но про церковных «батюшек» она говорила очень мало, по-видимому, по причине редкого с ними общения.

Я помню, ежегодно в конце марта бабушка всегда пекла из теста жаворонки, говорила, что должно быть они уже прилетели, и поила всех чаем. А на Пасху на столе, конечно, стоял кулич и на белом блюде горка крашенных в луковой шелухе яиц.

В один из таких праздничных дней, лет мне, наверное, было не более десяти, за чаем с маковой плюшкой, в умиротворенном настроении, желая, как теперь говорят «приколоться» к бабушке, с позиций школьного атеизма, я обратился к ней с вопросом:

– Ну, вот скажи мне, пожалуйста, где он бог-то? Где, а? Если он есть, то почему его никто не видит? Где он?

На что моя не очень грамотная бабушка, спокойно глядя на меня, сказала:

– А Он – везде! И всегда! И Он во всем!.

Я опешил:

– Где везде? Почему же я его не вижу если он «везде»?

– А ты можешь видеть «ВЕЗДЕ»? Вот ты пьешь сейчас чай, смотришь на стакан и видишь только стакан, глядя на меня, видишь только меня. И только! А вот если тебе удастся взглянуть «везде». Вот тогда ты и увидишь Его.

Прошло столько лет, а я помню, как сейчас, и тот теплый солнечный день, и свою бабушку, и то, как после этого разговора я подошел к забору нашего сада и посмотрел через штакетник. Мне показалось, что я понял бабушкины слова – вот прямо перед моими глазами серые доски штакетника, а в просветах между ними наша улица с деревьями, проходящими людьми, автомобилями и снующими по газонам воробьями.

Вот так, можно видеть лишь только серые штакетины перед глазами, а можно наблюдать и многообразную картину жизни через проемы забора!

И ещё я помню как потом, лежа на кровати и вглядываясь через окно в небо в это «везде», я внезапно осознал, что «Он везде и всегда», а **я** когда-нибудь умру и меня не будет «нигде» и «никогда»... **Меня не станет, а всё везде будет также...** Понимание этого было оглушительным и я долго не мог прийти в себя. Как это так? Будет вот это все – деревья, наш пруд, вот эти дома, дорога, уходящая вдаль, а меня уже не будет никогда, никогда!

**Вот так я впервые задумался
о бытие и небытие.**

Или – или?

*Первый сад создал Бог,
А первый город – Каин.
Каули Эйбрахам*

Наш лес, горы, река и пруд – все казалось тогда данным навсегда и без потерь. И, глядя детскими глазами на свою молящуюся бабушку, я знал, что она просит Бога о своем и нашем благополучии, о здоровье, и чтобы не было войны. Ее родители, трудясь на земле, наверное, молились ещё и о том, чтобы уродилась пшеница и рожь, чтобы не было засухи, чтобы прошел дождь... Но я не слышал, чтобы моя бабушка молилась о сохранении чистоты воздуха, воды, или окружающего растительного многообразия.

Это сейчас в окружении стекла, бетона и вездесущих автомобилей хочется, видеть, как цветет сад, как прыгает белка с ветки на ветку, высоко в небе парит ястреб, а в кустах шуршит ёжик. Чтобы всё это всегда было с нами.

И мне думается, что первое откровение Бога происходит с того первого взгляда на окружающий мир природы, который человек делает в младенчестве при рождении. Представьте себе, что этот первый взгляд упал бы на окружающий его лунный или марсианский ландшафт. Пустыня и есть пустыня. Это действительно ужасно. А вот окружающий нас наш земной мир, его красота, и есть то первое неосознанное ощущение настоящего Чуда.

К сожалению, времена индустриализации в прошлом и компьютеризации в настоящем, а также все большая урбанизация жизни ведут человека от земных чудес к марсианской пустыне или виртуальному миру.

Глядя, как обычная муха моет и чистит свои лапки, летает, садится и бежит по потолку, я думаю: – это ли не чудо природы, это ли не Божественное создание? Самый совершенный современный космический корабль – лишь слабая попытка приблизиться к подобному Творению.

А что человек сделал достойного и совершенного за последнее столетие? Да почти ничего, кроме систематического истребления себе подобных и других земных созданий – животных, птиц, рыб, насекомых, растений, либо по недомыслию и глупости, либо из жадности и корысти. Только таких чудесных птах, как колибри, человек уничтожил несколько десятков видов. Где миллионные стада безобидных сайгаков в степях Калмыкии и могучих бизонов в прериях Америки? А где те реки и озера с чистой питьевой водой, что были во времена моего детства всего каких-то полсотни лет назад?

Человек настойчиво тянется к лунному пейзажу, уходя от полей и лесов в городскую пустыню, окружая себя стеклом, бетоном и закатывая живую землю асфальтом.

Вся природа, окружающая человека, отравляется всё быстрее и стремительно уничтожается. Куда мчимся?

Что? Когда добьем последнюю стрекозу и отравим последний ручей, полетим жить на Марс? Будем искать там воду? Будем искать там жизнь?

Посмотрите, как ребенок радуется подаренному ему котенку! Как женщина радуется подаренному букету цветов! Как человек глядит в небо!

* * *

Задолго до попыток «покорения природы» человеком во всех верованиях, во многих религиях устанавливался принцип «не навреди».

Даосизм запрещает охоту, рыбную ловлю, содержание птиц и зверей в клетках. Джайнизм запрещает убивать любое живое существо, вплоть до насекомого.

Принцип святости жизни является одним из основополагающих в индуистской религии: «Бог Кесава доволен тем, кто не вредит или не уничтожает других безмолвных тварей». В

индусских святых писаниях говорится: «Человек, убивающий живое существо, загрязняющий колодцы и пруды, водохранилища и уничтожающий сады, наверняка пойдет в ад».

Будда и его последователи считают красоту природы источником огромной радости и эстетического вдохновения, а загрязнение окружающей среды вызывается психологическими загрязнениями внутри человека.

«Если ты любишь Аллаха, то не можешь не любить его творения», – учит Коран. Мохаммед говорил: «Если придет Судный день, и у тебя в ладони окажется росток пальмы, ты обязан его посадить».

Синтоизм обожествляет разные природные явления – горы, скалы, водопады, деревья, реки... Японцы полагают, что тому, кто не воспринимает красоту природы, особенно луны и дождя, нельзя доверять ни в чем, поскольку у него «сердце из камня».

* * *

Сколько бы миллионов раз ни бросать кубики с буквами, строчки стихов из них никак не получатся.

Марк Тулий Цицерон

За последнее десятилетие изменился ряд носителей компьютерной информации: магнитные ленты, дискеты, CD-диски, флеш-карты. На них могут быть записаны довольно-таки объемные программы. Можно попытаться оценить количество случайных комбинаций, чтобы также случайно составить какую – либо программу среднего объема. Это, без сомнения, – неимоверно огромная цифра. Теперь глянем на семя растения, например, маковое. В нем заложена не только сама, как-то или кем-то составленная полная программа существования мака, а именно: времени и условий всходов, роста, цветения, созревания, характера и формы стебля, листьев, окраски цветов и т. д. и т. и. Но это маковое зернышко является одновременно и самим компьютером, к которому необходимо лишь подвести энергию и питательный раствор и он сам преобразуется в тот прекрасный цветок, который именуется «маком». Не менее интересно, что эта программа удивительным образом завязана и со всеми временами года, солнечным теплом и влиянием Луны.

Жизнь вокруг нас может оказаться значительно многообразнее и сложнее, чем рисует наше воображение.

Если, например, флеш-карта попадет в руки дикаря, что он сможет с ней сделать? Только попробовать на зуб. А может быть, камень, что лежит у дороги и есть своего рода флеш-карта, на которую постоянно записывается информация о каждом, проходящем мимо? Только мы пока ещё подобно дикарям не способны её считывать?

Предположить, что флора и фауна Земли есть лишь случайная игра событий – это что?? Это, наверное, чья-то шутка.

Имеет ли любая стоящая перед нами машина, будь то автомобиль или подводная лодка, своего создателя? Имеет! Может ли она быть создана как-то так, сама по себе? Нет! Так почему прекрасный цветок, совершенный леопард или сам человек возникли как-то сами по себе, без Создателя?

Человек – этот «венец природы» – не то, что не может, он даже и не понимает, как получить из чего-то «неживого» что-то «живое», или как растение превратить в животное. «Венец природы» не может даже дать бесспорного научного определения того, чем он сам отличается от животного, и при этом некоторые из нас имеют смелость (или глупость) «научно утверждать», что жизнь на Земле возникла сама собой.

Удачлив тот, кто всё ещё может бегать по земле босиком, пить воду прямо из реки и слушать тишину!

По другую сторону Урала

Чтобы жить, нужно солнце, свобода и маленький цветок.
Ганс Христиан Андерсен

После окончания школы я поехал в Челябинск.

Серебряная медаль и один вступительный экзамен, сданный на «отлично», позволили без труда поступить в Челябинский Политехнический институт.

Пять лет учебы, прожитые в Челябинске, пролетели быстро.

Тогда это был, пожалуй, не самый привлекательный город среди всех российских областных центров, даже при наличии и дворца спорта, и филармонии, и драматического театра, и театра оперы и балета (где в то время в оркестре состоял наш друг Витька-фагот, приносящий нам городские новости культуры). Челябинск был большим промышленным городом с промышленными гигантами, такими как Челябинский тракторный завод или Челябинский металлургический завод, коптящими и загромаждающими городскую округу. Но Политехнический институт располагался в благоприятной зеленой зоне на границе города, лесного массива и парка имени Гагарина.

Первое, что меня поразило в первую же осень на новом месте, это практически отсутствие заметного изменения окраса лесов при наступлении зимы. По эту сторону Урала преобладают хвойные леса, которые «зимой и летом одним цветом».

Учеба в институте меня не сильно увлекала. На первых двух курсах я ещё сдавал досрочно и на «отлично» некоторые экзамены, путем участия в олимпиадах по начертательной геометрии, химии, физики, сопромату, но затем учиться стало как-то скучно и малоинтересно. Потому как самым важным в учёбе зачастую была способность быстро и разборчиво записать ту или иную лекцию. Ну и конечно тяготила в освоении общественных наук необходимость непременно запомнить хронологию каких-то «архиважных» событий (партийных съездов, принятых на них решений, программ).

Правда, такой курс как, например, «военка» разнообразил учебу. На военной кафедре была своя мужская среда с армейским грубоватым юмором, преподавателями в погонах, стрельбой из пистолета и автомата, с вождением автомобиля ГАЗ–51 и получением водительских прав. А военные лагеря, проведенные в прибалтийском Гусеве – бывшем прусском Гумбиннене, – были моей первой «европейской заграницей».

И, кстати, эта «европейская заграница», этот город в готическом стиле с отметинами войны на городских стенах, тогда мне очень понравился.

Но самые лучшие и запомнившиеся эпизоды всей той институтской жизни – это туристические походы по Южному Уралу и его вершинам – Ирмель, Тага-най, Яман-тау!

А какие на Урале озера! На многих, от известного озера Тургояк до малоизвестных озер Сунукуль или Акакуль, были либо общедоступные, либо «закрытые» турбазы. Среди наших студентов были те, у которых родители жили и работали в городе Челябинск–40 (в «Сороковке») и они иногда организовывали нам отдых на «закрытых» турбазах. Условия пребывания там и оснащение этих баз, по тем временам, были прекрасными. Лодки, рыболовные снасти, водные лыжи, ласты и маски – все было в нашем распоряжении. Заплывешь подальше на «моторке», нырнешь с водным ружьем на глубину и подкрадываешься к толстому линю, прячущемуся меж стеблей горошника, поднимающегося со дна озера. Главное – чтобы погода не подвела. А телевизор под маленьким навесом у дорожки, проложенной среди сосен, и скамеечка напротив, на которые я набрел, гуляя вдоль берега озера в один из первых дней нахождения на турбазе, привели меня в полное восхищение! В те времена (конец шестидесятых) телевизор был ещё не в каждой советской семье.

Будучи на преддипломной практике в городе Лысьва, мы нашей небольшой студенческой группой обошли почти всю окрестность и сухим и водным путем, в том числе совершив сплав на плотках по реке Чусовой и спуск в колодезные проходы Пашийской пещеры.

Помню зимний поход на Большой Нургуш (тогда я сильно простудился) и стаю тетеревов, спящих в морозный солнечный день прямо в снегу и взлетевших у нас из-под носа. Ходили, надо отметить, по картам МВД, снятым на кальку, так как подробные крупномасштабные карты считались тогда секретными.

Было увлекательно, нас ничто не беспокоило и не останавливало. Это сейчас, вспоминая и представляя эпизоды на пройденных маршрутах: вывих руки в бурном повороте водного потока на Чусовой, пробуждение от холода в палатке ноябрьскими промозглыми ночами, обморожение лица в январском походе, понимаешь, что если случись тогда что-то более серьезное – до ближайшего населенного пункта несколько дней ходу. Бог хранил, наверное.

А ещё запомнились два летних сезона, проведенные на студенческой «целине» в молдавском Тирасполе. Мы работали по сменам на консервном заводе, а между сменами купались и загорали на местном канале или ездили на дизеле в Одессу. Для нас это были «новые дальние края», где можно было пить неплохое дешевое местное вино, собирать вдоль дорог ничейную шелковицу, ходить в цехах завода мимо гор яблок, вишни и абрикосов, отправляя в рот лучшие экземпляры. А Одесса! Приморский бульвар, Дюк Ришелье, Потемкинская лестница, море и Ланжерон, Аркадия – названия-то какие!

Ну и конечно, помню материально не ровную студенческую жизнь. Иногда оставалось задолго до очередной стипендии или материальной помощи от родителей не более рубля в кармане. В таких случаях искали, куда сходить на заработки «на разгрузку» по всяким базам и товарным железнодорожным станциям. На моей памяти лучшей шабашкой была разгрузка марокканских апельсинов из вагонов в ящиках по четырнадцать килограммов, это было приемлемо по весу и удобно в переноске, да еще апельсинов поесть! Кстати, этих апельсинов, с прилепленной торговой маркой на каждой штучке, в городских магазинах в свободной продаже я тогда не видел. Разгрузка на пивзаводе канадского солода в мешках по 50 килограммов была очень тяжелой, но можно было попить вволю пива! Таскать и штабелевать свиные туши на «холодильнике», особенно, когда они подтают и скользят в руках – это каторга, но зато, в конце работы местный «прораб» наварит бульон с лучшими кусками мяса – есть не хочу! Зараз на такой шабашке можно было заработать от восьми до пятнадцати рублей. Если учесть, что даже моя повышенная стипендия составляла всего пятьдесят пять рублей в месяц, а студенческий обед стоил в пределах рубля, то это было весьма неплохо.

Вот этим мне и запомнились годы учебы в ЧПИ. Хотя был ещё один памятный эпизод. В самом начале учебы я получил место в студенческом общежитии, когда там как раз заканчивался ремонт. В первый же день моего вселения я пошел осматривать наш этаж и, заглянув в последнее помещение (где впоследствии была телевизионная комната), наткнулся на большую кучу сваленных в углу книг. Там была всякая техническая литература, учебники и журналы, по всей видимости после очистки комнат при ремонте. Порывшись, я вытащил книгу В. Ф. Войно-Ясенецкого «Очерки гнойной хирургии». Как эта книга попала и затерялась в куче технической литературы непонятно и почему я обратил на нее внимание, не зная ничего ни о ней, ни об авторе, тоже не знаю, но я сдул с нее пыль и взял с собой.

Уже в своей комнате я с интересом полистал иллюстрированную книгу и положил в тумбочку. Она довольно долго пролежала у меня там. Как-то однажды я взял ее, завернул в пакет, пошел на почту и отправил своей двоюродной сестре, заканчивавшей тогда учебу в Куйбышевском медицинском институте. Почему-то этот случай я помнил всегда. Спустя несколько десятков лет, отдыхая в Крыму (куда, кстати, уже давно перебралась жить моя двоюродная сестра), я был в Симферополе и вновь «встретился» там с В. Ф. Войно-Ясенецким, автором этой книги – святителем Лукой, исповедником, архиепископом Симферопольским и Крымским, человеком удивительной и героической судьбы.

Жизнь – череда не всегда взаимосвязанных событий.

Поближе к столице

*Есть великие проблемы
и неведомые дали,
А ещё есть любопытство,
Бесконечное как звёзды.*

Леонид Дербенёв

После окончания института я получил распределение в почтовый ящик Г–4444 в подмосковном городе Истра, где начал новую самостоятельную жизнь и работу в должности конструктора.

Молодые специалисты предприятия проживали в общежитии в двух рядом расположенных пятиэтажных корпусах, что обеспечивало широкий круг общения.

Специалисты были преимущественно из московских ВУЗов – МГУ, МАИ, МЭИ, – в тогдашней аббревиатуре.

Хорошей особенностью той жизни был строгий рабочий день: с восьми до семнадцати ноль-ноль с часовым перерывом на обед. Никаких задержек и переработок, – нерабочее время – твое личное время. Задержки даже не поощрялись по причинам режимности. После работы ещё оставалась возможность поехать в Москву и успеть к началу спектакля какого-нибудь театра. Билеты были доступны по цене, нужно было только эти билеты «достать».

А по субботним и воскресным дням можно было рвануть на Истринское водохранилище на водную базу нашего института, взять «Финн» – яхту одиночку, и одному под парусом ловить свежий ветер!

Публика в общежитии была образованной, энергичной, интересующейся не только вопросами науки и техники, но и всеми сферами жизни. Был всеобщий интерес к театру, кино, музеям, различным выставкам. Вечерами «на кухне» обсуждалось всё виденное и слышанное, в том числе политические и общественные новости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.